

Рибо Теодюль

**Воля в ее нормальном и
болезненном состояниях**

La volonté

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
Т33

Т33 **Теодюль Р.**
Воля в ее нормальном и болезненном состояниях: La volonté / Рибо Теодюль – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 130 с.

ISBN 978-5-519-80661-9

Заглавие оригинала: Les maladies de la volonté, Переведено также под заглавием: Болез-
ни воли

ISBN 978-5-519-80661-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

поступать согласно нашему методу. Какъ всякая другая опытная наука, психологія должна строго воздерживаться отъ отыскиванія первыхъ причинъ. Вопросъ же о свободѣ воли относится къ ихъ числу. Одна изъ большихъ заслугъ критики Канта и его послѣдователей заключается въ томъ, что она сводитъ вопросъ о свободѣ воли къ знанію—можетъ-ли человѣкъ выйти изъ цѣпи дѣйствій и причинъ, чтобы стать абсолютнымъ началомъ. Эта возможность, „вызывать, прекращать и исключать“, какъ ее опредѣляетъ одинъ современный ученый, глубоко изучившій этотъ вопросъ, можетъ быть допущена лишь въ томъ случаѣ, если мы вдадимся въ метафизику.

Но здѣсь мы подобныхъ попытокъ дѣлать не станемъ. Единственнымъ предметомъ нашего изученія будетъ изслѣдованіе воли въ предѣлахъ внутренняго и внѣшняго опыта. Мы изучаемъ хотѣнія, какъ факты, съ ихъ непосредственными причинами, другими словами—съ мотивами, которые ихъ произвели, не обращая вниманія на то, зависятъ-ли эти причины отъ безконечнаго ряда причинъ, или же здѣсь имѣетъ мѣсто самопроизвольность. Вопросъ, поставленный такимъ образомъ, можетъ быть одинаково подходящимъ и для защитниковъ детерминизма, и для его противниковъ, можетъ согласоваться и съ той, и съ другой гипотезой. Впрочемъ, мы предполагаемъ вести наши изслѣдованія такимъ образомъ, чтобы отсутствіе какого бы то ни было рѣшенія въ этомъ направленіи не могло быть ни разу замѣчено.

Я постараюсь показать въ концѣ этого изслѣдованія, что въ каждомъ актѣ воли есть два различные между собой элемента: 1) состояніе сознанія—„я хочу“, которое показываетъ перемѣну, но само на эту перемѣну вліянія не имѣетъ; 2) психо-физиологическій механизмъ, очень сложный, который одинъ только обладаетъ способностью производить дѣйствіе и прекращать его. Такъ какъ этотъ общій выводъ является лишь результатомъ частныхъ выводовъ, добытыхъ посредствомъ изслѣдованія патологическихъ фактовъ, то я пока исключаю изъ этого вступленія всякій систе-

матическій взглядъ, я ограничусь изученіемъ воли въ ея двойномъ механизмѣ — побужденія и задержки — и въ ея источникѣ — личномъ характерѣ, пренебрегая при этомъ всѣми подробностями, не относящимися къ нашему вопросу.

І. Воля какъ импульсивная сила.

Основнымъ принципомъ, который управляетъ психологіей воли въ ея импульсивной формѣ, какъ въ состояніи здоровомъ, такъ и въ состояніи болѣзненномъ, является то, что всякое состояніе сознанія, всегда имѣетъ стремленіе перейти въ движеніе, въ дѣйствіе. Этотъ принципъ представляетъ лишь частный случай, принадлежащій психологіи, такого основнаго закона: рефлексъ есть единственный типъ всякой нервной дѣятельности, всѣхъ жизненныхъ отношеній. Собственно говоря, дѣятельность въ животномъ является не началомъ, но концомъ, не причиной, но слѣдствіемъ, не исходнымъ пунктомъ, но продолженіемъ. Это наиболѣе важный пунктъ, котораго никогда нельзя терять изъ виду, и который одинъ объясняетъ психологію и патологию воли, потому что это стремленіе каждаго состоянія сознанія сдѣлаться дѣйствіемъ психологическимъ или фізіологическимъ, сознательнымъ или безсознательнымъ, есть простой фактъ, къ которому сводятся всевозможныя проявленія наиболѣе высокой дѣятельности воли.

Новорожденный, какъ говоритъ Вирховъ, составляетъ лишь „существо спинно-мозгового характера“. Его дѣятельность совершенно рефлекторна; она проявляется въ такой массѣ движеній, что трудность воспитанія долгое время заключается въ томъ, чтобы подавить, или обуздать большую часть этихъ движеній. Это распространеніе рефлексовъ, объясняемое анатомическими отношеніями, представляетъ въ наиболѣе простой формѣ переходъ раздраженій въ движеніе. Сознательны-ли эти послѣднія, или являются

лишь зачаткомъ сознанія, — во всякомъ случаѣ они не представляютъ собой дѣятельности воли; они, собственно составляютъ лишь дѣятельность видовую, прибрѣтенную, организованную и укрѣпленную благодаря наслѣдственности, но это матеріалы, изъ которыхъ образуется потомъ воля.

Желаніе представляетъ переходный пунктъ отъ рефлекторнаго состоянія къ волевому. Желаніемъ мы называемъ наиболѣе элементарныя формы чувственной жизни, которыя одни только могутъ имѣть мѣсто, пока не появилась жизнь интеллектуальная. Съ физиологической точки зрѣнія они не отличаются отъ сложныхъ рефлексовъ. Съ психологической — они отличаются тѣмъ состояніемъ сознанія, часто очень напряженнымъ, которое ихъ сопровождаетъ. Ихъ стремленіе перейти въ дѣйствія такъ же непосредственно и неотразимо, какъ стремленіе рефлексовъ. Въ естественномъ состояніи, притомъ еще чистомъ отъ всякой примѣси, желаніе ищетъ немедленнаго удовлетворенія; это его законъ, основаніе котораго лежитъ въ организмѣ. Дѣти и дикари представляютъ прекрасные примѣры этому. У взрослого желаніе не является уже въ своемъ естественномъ состояніи; воспитаніе, привычка, размысленіе искажаютъ или обуздываютъ его. Но часто оно возвращаетъ себѣ свои права, п исторія показываетъ намъ, что у деспотовъ, которыхъ собственное мнѣніе и мнѣніе другихъ ставятъ выше всякаго закона, оно всегда сохраняетъ свои права.

Патологія покажетъ намъ, что эта форма дѣятельности усиливается, когда ослабляется воля, и продолжаетъ существовать, когда воля исчезла. Однако, она является шагомъ впередъ при первомъ періодѣ жизни, потому что она показываетъ начало личности. На общемъ фонѣ видовой дѣятельности желанія ясно очерчиваютъ характеръ личности; они опредѣляютъ лишь способъ воздѣйствія даннаго организма.

Какъ только прибрѣтенный опытъ станетъ достаточнымъ для того, чтобы интеллектъ могъ зародиться, образуется новая форма дѣятельности, къ которой всего болѣе подходитъ названіе идео-двигательной

потому что здѣсь идеи являются причинами движеній. Это названіе еще болѣе удачно потому, что оно показываетъ родство этой формы дѣятельности съ рефлексами, по отношенію къ которымъ она представляется лишь болѣе усовершенствованною.

Какимъ образомъ идея можетъ быть причиной движенія? Это вопросъ, который не умѣла разрѣшить старая психологія, но который становится простымъ, когда изучаютъ въ ихъ настоящемъ видѣ. Въ настоящее время въ фізіологіи мозга общепризнанной истиной является то, что анатомическая основа всѣхъ нашихъ умственныхъ состояній обладаетъ одновременно и двигательными элементами, и чувствительными. Я не буду заниматься здѣсь вопросомъ, который подробно разсмотрѣнъ въ другомъ мѣстѣ и который отвлечъ бы наше вниманіе. Вспомнимъ лишь то, что наши воспріятія, и особенно важнѣйшія изъ нихъ—зрительныя и осязательныя, заключаютъ въ себѣ въ качествѣ составныхъ элементовъ воспріятія отъ движеній глаза или членовъ; и признавая движеніе необходимымъ элементомъ въ томъ случаѣ, когда мы видимъ предметъ въ дѣйствительности,—мы въ то же время должны признать, что оно играетъ такую же роль и тогда, когда предметъ является передъ нами мысленно. Образцы и идеи, даже отвлеченные, предполагаютъ такую анатомическую основу, въ которой движенія имѣютъ извѣстное значеніе.

При ближайшемъ изслѣдованіи вопроса надо различать два рода двигательныхъ элементовъ: тѣ, которые помогаютъ образованію состоянія сознанія, и тѣ, которые способствуютъ внѣшнему выраженію этого состоянія; одни—внутренніе, другіе—внѣшніе. Напр., представленіе о шарѣ является равнодѣйствующей, образуемой впечатлѣніями, отъ поверхности и нѣкоторыхъ приспособленій мускуловъ; но эти послѣдніе составляютъ результатъ мышечной чувствительности и въ этомъ смыслѣ они скорѣе являются лишь ощущеніемъ движенія, чѣмъ самими движеніями, иначе говоря: это скорѣе образовательные элементы нашего представленія, чѣмъ способъ его внѣшняго выраженія.

Во всякомъ случаѣ это тѣсное соотношеніе, установленное фізіологіей между идеей и движеніемъ, объясняетъ намъ то, какимъ образомъ одно производитъ другое. Въ дѣйствительности идея не можетъ производить движенія: нѣчто чудесное представляло бы это полное и внезапное измѣненіе функціи. Идея, мгновенно производящая игру мышцъ, какъ представляютъ ее спиритуалисты, была-бы чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Не самое состояніе сознанія, но соотвѣтствующее ему фізіологическое состояніе переходитъ въ дѣйствіе. Повторяю, соотношеніе не имѣетъ мѣста между психическимъ состояніемъ и движеніемъ, но лишь между двумя однородными, фізіологическими состояніями, между двумя группами нервныхъ элементовъ — чувствительной и двигательной. Если продолжать видѣть причину въ сознаніи, то все остается неяснымъ; если же смотрѣть на него, какъ на простого спутника извѣстнаго нервного процесса, который одинъ только имѣетъ существенное значеніе, — то все становится ясно, и искусственныя затрудненія исчезаютъ.

Согласившись съ этимъ, мы можемъ вкратцѣ распредѣлить идеи на три группы, принимая въ расчетъ то, насколько сильно, умѣренно или слабо ихъ стремленіе превратиться въ дѣйствіе, или даже когда, въ нѣкоторомъ смыслѣ, подобнаго стремленія не замѣчается вовсе.

1) Первую группу составляютъ умственные состоянія, чрезвычайно напряженные (такъ называемыя *idées fixes* могутъ служить ихъ типомъ). Они переходятъ въ дѣйствіе роковымъ образомъ, съ быстротою почти равной быстротѣ рефлексовъ. Это идеи, которыя, такъ сказать, „затрагиваютъ насъ за живое“. Старая психологическая школа, утверждая фактъ, обыденнаго опыта, говорила, выражаясь по своему, что умъ дѣйствуетъ на волю лишь посредствомъ чувствительности. Это означаетъ, что нервное состояніе, соотвѣтствующее данной идеѣ, превращается въ дѣйствіе легче, когда сопровождается другими нервными состояніями (каковы бы они не были), которыя соотвѣтствуютъ чувствамъ. Изъ всего этого мы можемъ заключить,

что нервная дѣятельность наиболѣе энергична въ томъ случаѣ, когда въ ней заключено большое число элементовъ.

Большая часть страстей, какъ только онѣ переходятъ уровень простыхъ желаній, входятъ въ составъ этой группы, какъ основанія дѣятельности. Вся разница состоитъ въ степени, смотря по тому, преобладаютъ-ли въ цѣлости аффективные элементы, или наоборотъ *).

2) Вторая группа для насъ наиболѣе важна. Она представляетъ разумную дѣятельность, волю въ настоящемъ смыслѣ слова. Здѣсь идея вызываетъ движенія послѣ краткаго или продолжительнаго разсужденія. Можно сказать, что большая часть нашихъ дѣйствій относится къ этому типу, кромѣ вышеуказанныхъ формъ и привычекъ. Встаю-ли я, чтобы подышать воздухомъ у окна, или поступаю на службу, чтобы сдѣлаться впоследствии генераломъ,—разница заключается только въ степени: хотѣніе, весьма сложное и далеко заходящее впередъ, какъ послѣднее изъ приведенныхъ нами, сначала разрѣшается рядомъ хотѣній простыхъ, постепенно примѣняемыхъ къ времени и мѣсту. Въ этой группѣ стремленіе къ дѣйствию не заключается въ себѣ ни мгновенности, ни насильственности. Чувство, сопровождающее такое состояніе, отличается умѣренностью. Многія дѣйствія, образующія обыкновенное теченіе нашей жизни при своемъ возникновеніи сопровождались чувствомъ удовольствія, любопытства и т. п. Мало по малу первоначальное чувство исчезло, но связь между идеей и дѣвствомъ окрѣпла; какъ только возникаетъ идея, за ней слѣдуетъ дѣвствіе.

*) Относительная независимость идеи и чувства, какъ причины движенія, ясно доказывается нѣкоторыми патологическими случаями. Случается, что идея движенія сама собой не можетъ вызвать движеніе, но когда присоединяется чувство, движеніе происходитъ. Человѣкъ, страдающій параличемъ, никакимъ усиленіемъ воли не можетъ двигать рукой; между тѣмъ рука его дѣлаетъ сильное движеніе подъ вліяніемъ чувства, вызваннаго пріѣздомъ друга. Въ случаяхъ размягченія мозга, за которыми слѣдуетъ параличъ, какое нибудь волненіе, вопросъ, обращенный къ больному, могутъ вызвать очень сильныя движенія въ нижнихъ конечностяхъ, на которыя воля не имѣетъ дѣвствія.

- з) Въ абстрактныхъ идеяхъ стремленіе къ движению выражается всего слабѣе. Такъ какъ эти идеи являются представленіями представленій, чистыми схемами, или фиксированными посредствомъ знаковъ отвлеченіями, то двигательный элементъ ослабѣваетъ въ одинаковой мѣрѣ съ элементомъ представляющимъ. Если на всѣ формы дѣятельности, которыя мы только что изслѣдовали, смотрѣть, какъ на постоянныя осложненія простого рефлекса, то можно сказать, что абстрактныя идеи походятъ на побочныя развѣтвленія, слабо соединенныя съ главнымъ стволомъ, и развившіяся совершенно по своему. Ихъ стремленіе къ движению зависитъ отъ внутренняго побужденія, ихъ сопровождающаго, какъ бы слабо оно ни было, или отъ возникновенія какого-либо другаго состоянія сознанія. Въ физиологій центробѣжный періодъ рефлекса не всегда оканчивается движеніемъ, но иногда влечетъ за собой отдѣленіе какой-нибудь железы или какую-нибудь трофическую дѣятельность; точно также и въ психологій данное состояніе сознанія не всегда оканчивается движеніемъ, но иногда способствуетъ возстановленію другихъ состояній сознанія, сообразно съ хорошо извѣстнымъ механизмомъ ассоціаціи.

Противоположность, такъ часто замѣчаемая между умами отвлеченными, живущими въ мірѣ абстракцій, и умами практическими, представляетъ лишь видимое и осязательное выраженіе психологическихъ различій, только-что нами указанныхъ. Напомнимъ, для большей ясности, нѣкоторыя избитыя истины: о разницѣ между познаніемъ добра и его совершеніемъ, между пониманіемъ нелѣпости какого-нибудь предразсудка и умѣніемъ избавиться отъ него, между осужденіемъ страсти и воздержаніемъ отъ нея. Все это происходитъ вслѣдствіе чрезвычайной слабости стремленія къ движению идеи, предоставленной самой себѣ. Мы не знаемъ анатомическихъ и физиологическихъ условій, необходимыхъ для возникновенія абстрактной идеи, тѣмъ не менѣе можемъ справедливо утверждать, что какъ только подобная идея становится возбуждителемъ дѣйствія, къ ней присоединяются другіе элементы: такъ

случается съ тѣми, которые „посвящаютъ себя служе-
нію идеи“. Одни лишь чувства способны двигать че-
ловѣкомъ.

II. Воля, какъ сила задерживающая.

Исходя изъ всего вышесказаннаго, мы можемъ смот-
рѣть на дѣятельность воли, какъ на одинъ изъ момен-
товъ того прогрессивнаго развитія, которое идетъ отъ
простого рефлекса, имѣющаго непобѣдимое стремленіе
къ движенію, и оканчивается абстрактной идеей, у ко-
торой это стремленіе выражено наиболѣе слабо. Стро-
го говоря, здѣсь нельзя опредѣлить начало или конецъ,
такъ какъ переходъ отъ одной формы къ другой про-
исходитъ почти незамѣтно.

Чтобы сдѣлать вопросъ наиболѣе яснымъ, мы не
ислѣдовали его во всей сложности. Мы оставили въ
сторонѣ даже одинъ изъ основныхъ, характеристиче-
скихъ элементовъ воли. Какъ понимали волю до сихъ
поръ, можно видѣть изъ слѣдующаго опредѣленія: это
есть дѣйствіе сознательное, болѣе или менѣе обдуман-
ное, имѣющее въ виду простое или сложное, близкое
или отдаленное послѣдствіе. Такъ понимается она и
нѣкоторыми современными учеными, напр. Модслей и
Льюисъ, которые опредѣляютъ ее, какъ „возбужденіе
посредствомъ идей“ (*impulse by ideas*), или какъ „дви-
гательную реакцію чувствъ и идей“. Понимаемая та-
кимъ образомъ воля представляла бы собой просто
„laissez faire“. Въ дѣйствительности же она предста-
вляетъ еще и нѣчто иное. Она есть также способность
задерживать, или, выражаясь фізіологически,—сила
подавляющая.

Для психологіи, опирающейся только на внутрен-
нее наблюденіе, разница между допущеніемъ и пода-
вленіемъ имѣетъ мало значенія; но для психологіи, ко-
торая стремится къ разъясненію душевныхъ процес-
совъ при помощи фізіологіи, и которая видитъ въ
рефлекторномъ актѣ первообразъ всякой дѣятельно-
сти,—это очень важно.

Слѣдуя ходячему понятію, мы можемъ опредѣлить волю, какъ указъ, которому подчиняются мускулы неизвѣстно какимъ образомъ. Эта гипотеза не придаетъ никакого значенія тому, требуетъ-ли этотъ указъ движенія или, наоборотъ, задерживаетъ его. Если же подобно всѣмъ современнымъ физиологамъ признать, что рефлексъ является первообразомъ и началомъ всякой дѣятельности, то нѣтъ никакой необходимости стремиться къ отысканію причинъ, благодаря которымъ извѣстное состояніе сознанія переходитъ въ движеніе,—такъ какъ это законъ,—но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ выяснить, почему этотъ переходъ совершается не всегда. Къ сожалѣнію, физиологія даетъ слишкомъ темныя и неясныя объясненія относительно этого вопроса.

Самымъ обыкновеннымъ случаемъ явленія задержки или подавленія движенія служить прекращеніе дѣятельности сердца посредствомъ раздраженія блуждающаго нерва. Извѣстно, что сердце (помимо его внутреннихъ нервныхъ узловъ) иннервируется еще вѣточками симпатическаго нерва, которыя ускоряютъ сердечныя сокращенія, а также—блуждающаго. Перерѣзка этого послѣдняго ускоряетъ сердечныя сокращенія; раздраженіе же его центральнаго конца, напротивъ, приостанавливаетъ ихъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Значитъ—это нервъ задерживающій; явленіе же приостановки движеній въ подобномъ случаѣ представляется обыкновенно результатомъ интерференціи. Рефлекторная дѣятельность сердечныхъ узловъ замедляется или прекращается возбужденіями, начинающимися въ продолговатомъ мозгу. Иначе говоря, двигательная дѣятельность блуждающаго нерва тратится въ сердечныхъ узлахъ на подавленіе ихъ дѣятельности и производитъ задержку сердечныхъ сокращеній. Но все это не представляетъ непосредственнаго психологическаго значенія; гораздо болѣе касается насъ слѣдующее.

Мы знаемъ, что рефлекторная раздражительность спинного мозга увеличивается, когда головной не оказывается на него вліянія. Состояніе обезглавленныхъ

животныхъ можетъ быть превосходнымъ тому доказательствомъ. Но кромѣ такихъ крайнихъ примѣровъ намъ извѣстно, что во время сна рефлексъ обладаютъ гораздо большей силой, чѣмъ во время бодрствованія. Чтобы объяснить этотъ фактъ, нѣкоторые ученые признаютъ въ головномъ мозгу существованіе задерживающихъ центровъ. Сѣченовъ помѣщаетъ ихъ въ зрительныхъ уалахъ и въ области четыреххолмія. Онъ основывается на томъ фактѣ, что раздраженіе упомянутыхъ частей химическими и другими средствами производило угнетеніе рефлексовъ. Гольцъ помѣщаетъ задерживающіе центры въ полушаріяхъ всего мозга.

Эти гипотезы вмѣстѣ съ другими, имъ подобными, подвергались сильной критикѣ, и многіе изъ физиологовъ просто признаютъ, что въ нормальномъ состояніи возбужденія въ одно и то же время слѣдуютъ по двумъ путямъ, а именно въ головномъ мозгу—въ восходящемъ направленіи и въ спинномъ—въ поперечномъ, что, напротивъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ головной мозгъ не играетъ никакой роли, возбужденія имѣютъ лишь одинъ путь, вслѣдствіе чего происходитъ какъ бы накопленіе возбужденія, ведущее за собой усиленную рефлекторную раздражительность.

Въ новѣйшее время Феррье, ставъ на точку зрѣнія, психологическая важность которой понятна, находитъ, что задерживающіе центры помѣщаются въ лобныхъ доляхъ, причемъ центры эти имѣютъ большее значеніе въ актѣ вниманія.

Не вдаваясь въ подробности, мы видимъ, что для выясненія механизма задержки нѣтъ такой ясной и общепринятой доктрины, какая существуетъ напр. для рефлексовъ. Одни утверждаютъ что задержка является слѣдствіемъ столкновенія двухъ противоположныхъ стремленій, которыя ослабляютъ или уничтожаютъ другъ друга. Другіе считаютъ, что задерживающіе центры (или даже задерживающіе нервы) существуютъ для того, чтобы вмѣсто усиленія передаваемого движенія подавлять его. Есть еще много другихъ гипотезъ, которыя приводятъ здѣсь безполезно. Тѣмъ не менѣе попытамы возможно лучше выясниъ себѣ этотъ вопросъ.